

ЙИРЖИ ЙИРАЧЕК

К ОДНОМУ СДВИГУ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КОДИФИЦИРОВАННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В предлагаемой статье нам хочется обратить внимание на один сдвиг в морфологической системе, происшедший у определенной группы русских существительных в течение приблизительно последних пятидесяти лет, в сущности после Великой Октябрьской социалистической революции.

В отмеченный период произошло у существительных мужского рода в русском языке сравнительно значительное расширение группы слов, образующих форму им. мн. путем присоединения ударяемого окончания (флексийного морфа) *-á*. Это прежде всего касается неологизмов и слов заимствованных в эпоху Петра Великого и позже, менее часто — слов, существовавших в русском языке уже до Петра Великого и присоединяющих в им. мн. парадигматическое окончание *-и* (орфографически *-ы* после твердого исхода основы, *-и* после мягкого).

О расширении количества существительных с флексийным морфом *-á* в им. мн. вместо парадигматического *-и* писалось уже в специальной литературе много раз. Так, досоветского периода касается, например, работа L. Beaulieux, *L'extension du pluriel masculin en á, já en russe moderne*, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1913, XVIII, 3, а также книга *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten*, Heidelberg 1922, 149—166, автором которой является R. N a c h t i g a l l. Ситуацию в русских словарях советского периода, начиная от словаря Д. Н. Ушакова (и в академической грамматике 1952 года) до 1955 г. описал R. Hingley в статье „Fluid Areas“ in *Russian Declension*, SlRev 37 (1958), 80—98 (особенно 81—92). — Приведем еще J. D o m i n, *Rzeczowniki rodzaju męskiego z podwójną końcówką w mianowniku liczby mnogiej (we współczesnym języku rosyjskim)*, Filologia rosyjska, 1962, 1, 147—172; она же, *Mianownik liczby mnogiej z akcentowaną końcówką -á/-já w rzeczownikach rodzaju męskiego w zakresie profesjonalizmów*, Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia rosyjska, 2 (1963), 97—118; она же, *Существительные мужского рода на -а (-я) в именительном падеже множественного числа*, РЯШ 1967, 6, 72—76; она же, *Opozycja typu „katiery—katiera“ we współczesnym języku rosyjskim*. Slavia Or 19, 1970, 427—431.

Из русских лингвистов этим вопросом занимались, например, М. В.

Ломоносов в *Российской грамматике*, СПб. 1759, § 195, А. Х. Востоков в *Русской грамматике*, СПб. 1831, § 29, Я. К. Грот в *Филологических разысканиях*, ч. I, изд. 3-е, СПб. 1885, 441, В. И. Чернышев в книге *Правильность и чистота русской речи*, Пг. 1915, 52 сл., С. П. Обнорский в издании *Именное склонение в современном русском языке*, 2, Л. 1931, вып. 1, 132 сл., Т. А. Иванова в неопубликованной диссертации *История формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на -á*, М. 1944, А. С. Фидровская в кандидатской диссертации *Номинативные формы на -á множественного числа существительных мужского рода в современном русском литературном языке*, Казань 1946, и в своей работе *Имена существительные мужского рода с формами на -á в именительном падеже множественного числа. (Опыт нормативного изучения)*, Казань 1961, С. И. Ожегов в *Очередных вопросах культуры речи*, БКР 1, 1955, 26, Д. Э. Розенталь в книге *Культура речи*, М. 1959, 34, З. Н. Литвина в статье *О нормах современного употребления вариантных флексий -и (-ы) — -á в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода*, УЗ МГПИ 330 (1969), 73—85, Т. Г. Хазагеров в статье *К вопросу о происхождении и условиях распространения а-флексии в именительном—винительном падежах множественного числа у существительных мужского рода 1-ого склонения*, ФН 1970, 2, 136—140, К. С. Горбачевич в монографии *Изменение норм русского литературного языка*, Л. 1971, 179—185, Л. П. Крысин в статье *К социальным различиям в использовании языковых вариантов*, ВЯ 22 (1973) 3, 37—49, особенно 43—45, и В. Л. Воронцова в коллективной монографии *Русский язык по данным массового обследования. (Опыт социально-лингвистического изучения)*, под ред. Л. П. Крысина, М. 1974, 179—187.

С точки зрения морфемного состава существительные мужского рода с им. мн. на -á и с окончанием ударением и в остальных падежах мн. ч. (точнее с ударением на первом слоге реализованного флексийного морфа) можно разделить на три группы:

1. тип *дом, дóма — домá, домóв*
2. тип *друг, дрúга — друзьá, друзéй*, т. е. существительные мужского рода, корневая морфема которых представлена двумя алломорфами, ср.:
<drug> в ед. ч. и <druz, #j> во мн. ч.¹
3. существительное *господín, господíна — господá, госпóд* (с чередованием алломорфов -ин₁-¹- \emptyset).

Наиболее распространенной является первая группа слов. В современном русском литературном языке сюда входит около 150 существительных.

¹ Как уже видно из типа примененных нами скобок, в виду имеются морфонологические алломорфы, вытекающие из глубинной структуры данных слов.

Данные разных источников расходятся; так, например, Л. В. Копецкий включает сюда „около 160 слов“.² В *Большом русско-чешском словаре* (под ред. Л. Копецкого, Б. Гавранка, К. Горалка), Прага 1952—1964, в котором зарегистрировано 59 099 существительных (из них 25 737 существительных мужского рода), существительных с флексийным морфом -á в им. мн. также около 160.³ Академическая Гр70 зафиксировала их на стр. 381 всего 157, если не считать *pluralia tantum* *бегá*, *потрохá* и *торокá* (ремешки у задней луки седла для привязывания чего-н.). А. А. Зализняк,⁴ регистрирующий и некоторые слова устарелые или нелитературные, установил их 165, А. С. Фидровская⁵ и Т. А. Иванова⁶ даже свыше 500.

Окончание -á (орфографически -а/-я) в им. мн. существительных мужского рода является по происхождению флексийным морфом именительного падежа двойственного числа, где ударение перемещалось с основы с ударением нисходящим на следующий слог с ударением восходящим, а таким как раз и было ударение флексии -á в им.—вин. двойственного числа. После утраты двойственного числа (в XIV веке) этот ударяемый флексийный морф сохранился у нескольких существительных, обозначающих парные предметы, в функции окончания им. (и вин.) мн. Это были существительные *бокá*, *глазá*, *рогá*, *берегá*, *рукавá* (существительное *рукав* имеет, однако, окончательное ударение и в ед. ч.). Позднее ударяемый морф -á стали присоединять и к основам других существительных.⁷ Л. В. Копецкий распределяет их в следующие пять групп:⁸

1. Старые славянские слова, означающие парные предметы, как *бокá*, *рогá*, *берегá*, *рукавá*.
2. Односложные слова, у которых также было ударение нисходящее на основе. Это существительные типа *лесá*, *домá*, *края*, *кормá*, *ходá*, *цветá*. У этих существительных в предл. ед. после предлогов *в* и *на* бывает ударяемый флексийный морф -ý (орфографически -у/-ю), например, *в лесú*, *в ходú*, *в цветú*; *на домú*, *на крайú*, *на кормú*.

² *Морфология современного русского литературного языка*, Прага 1976, 77.

³ Ср. Л. В. Копецкий, *Типы склонения русских существительных мужского рода*, ВЯ 19 (1970), 3, 21.

⁴ *Русское именное словоизменение*, М. 1967, 223—224.

⁵ *К вопросу о процессе и факторах новообразования на -á в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода*, Уч. зап. Казанского гос. ун-та, 1952, т. 112, кн. 6.

⁶ *Именительный множественного на -á (родá, тежорá, госпиталá) в современном русском литературном языке*, сб. Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции, Л. 1967.

⁷ Подробнее об этом пишет Т. А. Иванова в статье *Из истории именного склонения (К вопросу о происхождении именительного-винительного падежа множественного числа мужского рода на -á в русском языке)*, ВЯ 6 (1957), 6, 50—58.

⁸ *Морфология ...*, 77—78.

3. Существительные с полногласием и ударением на его первом слоге типа *го́лос, го́род, же́лоб, ко́роб, хо́лод, че́реп, пе́репел, те́терев*.
4. Около 30 исконно русских наименований, перешедших к новому флексийному типу еще в XIX веке.⁹ Л. В. Копецкий включает сюда существительные типа *вечера́, колокола́, невода́,¹⁰ острова́, откупа́, погреба́, поезда́*. За исключением существительного *поста́в* (пара мельничных жерновов; кустарный ткацкий станок) все эти слова имеют в ед. ч. ударение на первом слоге.
5. Заимствованные слова, по большей части специальные термины. Л. В. Копецкий относит к этой группе 52 слова:

адреса́, борта́, буера́, буфера́, веера́, векселья́, вензеля́, директора́, доктора́, дупеля́, егера́, инспектора́, катера́, кивера́, кителя́, клевера́, кливера́, клинкера́, клипера́, кокиля́, кондуктора́, концлагера́, корректора́, кузова́, купола́, кучера́, лагера́, леера́, мастера́, нишпеля́, номера́, обшлага́, ордера́, паруса́, паспорта́, пойнтера́, профессора́, скутера́, слесаря́, сорта́, тенора́, тома́, тормоза́, фельдшера́, флигеля́, флюгера́, шомпола́, шенкеля́, штабеля́, штемпеля́, штуцера́, шулера́.

У заимствованных слов бывают чаще всего расхождения в оценке их нормативной формы в им. мн. Приведем слова К. С. Горбачевича: „Часто спорят: *секторы* или *сектора*, *инструкторы* или *инструктора*, *корректоры* или *корректора*, *редакторы* или *редактора*, *рупоры* или *рупора* и т. п. Хотя предпочтение в данном случае должно быть сделано традиционным формам на *-ы* (*секторы*, *инструкторы* и т. п.), нельзя отрицать продуктивность (и перспективность!) форм на *-а*, которые в будущем, возможно, станут единственной литературной нормой“.¹¹

Препятствием для образования в современном русском литературном языке форм с флексийным морфом *-а́* в им. мн. бывают некоторые акцентуационные и морфологические условия. Форм на *-а́* не образуют: 1. существительные с ударением на втором слоге полногласия, ср., например, *горо́х — горо́хи, поро́г — поро́ги*; 2. заимствованные слова с ударением на последнем слоге, например, *гравёр — гравёры, гримёр* (работник театра, занимающийся гримировкой артистов) — *гримёры, инженер — инженеры, офицер — офицеры*; 3. существительные с ударяемой приставкой *вы-*, например, *выбор — вы́боры, выговор — вы́говоры, выезд — вы́езды, выпуск — вы́пуски*; 4. русские суффиксальные существительные, например, *бережо́к — бережкíй, хуторо́к — хуторкíй*

⁹ Сто лет тому назад наблюдалось чрезвычайное распространение этих словоформ. К. С. Горбачевич пишет в своей монографии *Изменение норм русского литературного языка*, Л. 1971, 180, об „экспансии“ форм на *-а* и продолжает: „Тогда говорили: *гетмана, лектора, маклера, фактора, оратора, конюха, служителя, смотрителя* и т. п. Затем, вследствие нормализаторской практики, этот процесс несколько приостановился. И все-таки окончание *-а* продолжало свое победное шествие.“

¹⁰ Первые репрезентативные советские словари русского языка, однако, зафиксировали у этого существительного еще флексию *-и*.

¹¹ *Изменение норм русского литературного языка*, 182—183.

(ср. бессуффиксальные *бéрег* — *берега́*, *ху́тор* — *хутора́*) и 5. существительные, имеющие в им. ед. более трех слогов, например, *архите́ктор* — *архите́кторы*, *библиотéкарь* — *библиотéкари*.

Существительные мужского рода с флексийным морфом -á в им. мн. (и с конечным ударением во всех падежах множественного числа) — это открытый ряд. Он постоянно расширяется преимущественно в профессиональной речи и особенно у среднего и молодого поколения, ср., например, названия различных конкретных предметов и профессий типа *áнкер* (в часах), *бúгель* (у трамвая), *кла́пан* (всасывающий), *ло́цман* (на судне).¹² Приведем еще характерные для моряков и рыбаков-охотников формы типа *мичманá*, *штурманá*, *шкиперá*, *глиссерá* (быстроходные судá, скользящие по поверхности воды), *карбасá* (большие лодки для рыбного промысла), *компасá*. Из литературных разговорных форм приведем словоформы *ветра́*, *договора́*, функционирующие в современном русском языке параллельно со стилистически нейтральными формами *вётры*, *догово́ры*.¹³

Кроме того, в современном русском литературном языке имеются пары существительных, у которых флексийные морфы им. мн. -и и -á связаны с различными значениями этих существительных, ср.: *кондукторá* — железнодорожные служащие и *конду́кторы* — детали машины, *корпусá* — остовы, оболочки чего-нибудь; отдельные здания; войсковые соединения, и *корпусы* — туловища людей или животных, *лагеря́* — военные или пионерские и *ла́гери* — политических единомышленников, *пропуска́* — документы на право входа и *про́пуски* — например, уроков по болезни, *тормозá* — устройства для снижения скорости и *то́рмозы* — помехи, *хлебá* — злаки и *хле́бы* — изделия из муки.

Для того чтобы установить сдвиги, происшедшие в советский период от парадигматического типа *заво́д*, -а — *заво́ды*, -ов с постоянным ударением на основе к типу *дом*, -а — *дома́*, -о́в в русском литературном языке, кодифицированном словарями, особенно академическими, мы выбрали все существительные мужского рода с ударяемым флексийным морфом -á в им. мн. из 9-го издания *Словаря русского языка С. И. Ожегова* (М. 1972) и сопоставили собранные данные с грамматическим аппаратом, приводимым у этих существительных во всех прежних толковых словарях русского языка, начиная с *Толкового словаря русского языка* под ред. Д. Н. Ушакова, и в академическом орфоэпическом словаре Аванесова и Ожегова (М. 1959).

Мы сделали выборку также из словаря *Новые слова и значения, словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*, под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С.

¹² Ср. Гр70, 382.

¹³ По Ож⁹. — Гр70 квалифицирует словоформы с флексийным морфом -á в им. мн. как разговорные у существительных *вéter*, *вoз*, *вы́мпел*, *гри́фель*, *дже́мпер*, *до́говор*, *констру́ктор*, *ле́ктор*, *о́вод*, *о́мут*, *прíмус*, *про́мысел*, *ре́ктор*, *ру́пор*, *сви́тер*, *сна́йпер*, *шнiцель*, *ястреб* и многих других (см. стр. 382).

Сорокина, Москва 1971, но не нашли в нем ни одного нового существительного мужского рода с урядяемым -á в им. мн., только сложное *мотопоезд*.

Было установлено, что из 149 исследуемых существительных 42 наименования (т. е. 28 %) за последние полвека полностью или по крайней мере частично перешли от флексийного типа с парадигматическим окончанием -и к типу с нерегулярным окончанием -á в им. мн.

Полный переход мы зарегистрировали у двенадцати существительных, частичный — у остальных тридцати; из этих тридцати двадцать четыре наименования такой сдвиг флексийного типа, судя по данным словаря Ушакова, начатый уже в 20-е годы, совершили, а шесть существительных начало такой сдвиг в русском литературном языке позже (в 40—50-е годы) и в настоящее время обе словоформы функционируют параллельно в качестве полных флексийных вариантов.

Из полученных данных мы составили следующие таблицы:

Полный переход к типу *дом* — *дома́*

№	Имя	Уш	Ож ²	БА	МА	АО	Ож ⁴	Ож ⁹
1	бу́ер	и	и	и	и	á	á	á
2	бу́нкер	и	и	á	á	á	á	á
3	ве́ртел	и	и	á	á	á	и	á
4	ды́жкон	и	и	и	и	á	и	á
5	конду́ктор*	и	и, á	и, á	и	á	и	á
6	ку́чер	и	á	á	á	á	á	á
7	лаге́рь**	и[á]	и, á	и(á)	á	á	á	á
8	нево́д	и	и	и	и	á	á	á
9	ску́тер	и	и	и	и	á	и	á
10	те́нор	и	и, á	á	á	á	и	á
11	ху́тор	и	á	á	á	á	и	á
12	ште́мпель	и	и, á	á	á	á	и	á

* В значении „работник транспорта“; в значении „деталь машины“ им. мн. только *конду́кторы*.

** В значении „временное поселение, стоянка“; в значении „общественно-политическая группировка“ им. мн. только *лаге́ри*.

Переход к типу *дом* — *дома́*, начатый уже в 20-е годы, совершили:

№	Имя	Уш	Ож ²	БА	МА	АО	Ож ⁴	Ож ⁹
1	а́дрес*	и, á	á	á, и	á	á	á	á
2	е́герь	и, á	и, á	и	á, и	á	á	á
3	китeль	и, á	и, á	и, á	и, á	á	и	á
4	корре́ктор	и, á	и	и	и(á)	á, † и	и	á
5	крей́сер	и, á	и	и	и	и, á	и	á
6	ку́зов	и, á	и, á	и, á	á, и	á	и	á
7	ни́пель	и, á	0	и, á	и, á	á	и	á
8	отпу́ск	и, á	á	á	á	á	и	á

№	Имя	Уш	Ож ²	БА	МА	АО	Ож ⁴	Ож ⁵
9	пекарь	и, á	и, á	á, и	á, и	á, и	á	á
10	прóпуск**	и, á	и, á	á, † и	á	á	á	á
11	стапель	и, á	и	á, и	и, á	á	á	á
12	том	и, á	и, á	á	á	á	á	á
13	тополь	и, á	и, á	и, á	á, и	á, † и	á	á
14	фэльдшер	и, á	и	и	и	á, † и	á	á
15	флигель	и, á	и, á	á, и	á, † и	á	á	á
16	хлев	и, á	и, á	и, á	á	á	á	á
17	шóмпол	и, á	и, á	и(á)	á, и	á	á	á
18	штáбель	и, á	и, á	á, и	á, и	á	á	á
19	штéпсель	и, á	и, á	á	á	á	á	á
20	штуцер	и, á	и, á	á	á	á	á	0
21	шүлер	и, á	и, á	á	á	á	á	á
22	юнкер***	и, á	á	á, и	и, á	á	á	á
23	якорь	и, á	и, á	á	á	á	á	á
24	ястреб	á, и	á, и	á, и	á, и	á, и	á	á

Переход к типу дом — дома́ начали только в 40—50-е годы:

№	Имя	Уш	Ож ²	БА	МА	АО	Ож ⁴	Ож ⁵
1	прожéктор	и	и, á	и	и, á	и, á	и, á	и, á
2	сéктор	и[á]	и	и(á)	и, á	и, á	и, á	и, á
3	тра́ктор	и[á]	и	и, á	и, á	и, á	á, и	á, и
4	пex****	и[á]	и	и(á)	и(á)	и, á	и, á	и, á
5	шкíпер	и	и	и(á)	и, á	и, á	и, á	и, á
6	штүрман	и	и	и(á)	и, á	и, á	и, á	и, á

* В значении „указание местожительства“.

** В значении „документ“.

*** В значении „воспитанник военного училища в царской России“.

**** В значении „отделение фабрики“.

Список сокращений и условных обозначений

- АО — Русское литературное проанношение и ударение. *Словарь-справочник*. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М. 1959
- БА — *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1—17, М.—Л. 1950—1965, т. н. Большой академический
- МА — *Словарь русского языка*, т. I—IV, М. 1957—1961, т. н. Малый академический
- Ож² — С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, изд. 2, М. 1952
- Ож³ — С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, изд. 4, М. 1960
- Ож⁴ — С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, изд. 9, М. 1972
- Уш — *Толковый словарь русского языка*, т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова, М. 1935—1940
- и — в им. мн. флексийный морф -и
- á — в им. мн. ударяемый флексийный морф -á
- и, á — оба окончания функционируют параллельно (в указанном порядке)
- () — буква в скобках обозначает флексийный вариант в разговорном стиле
- [] — буква в скобках обозначает флексийный вариант в просторечии
- † — обозначает устарелый флексийный вариант
- 0 — данное существительное в словаре не зарегистрировано

Из приведенных таблиц видно, что за исключением наименований *кондуктор*, *корректор* и *прожектор* все они двухсложные, с ударением на первом слоге в им. ед. Характер последнего согласного не важен; на мягкий согласный оканчивается из перечисленных 42 существительных лишь двенадцать слов (*лагерь*, *штемпель*; *егерь*, *китель*, *ниппель*, *пекарь*, *стапель*, *тополь*, *флигель*, *штабель*, *штепсель* и *якорь*), т. е. меньшинство, но существительные на мягкий согласный составляют меньшинство и в рамках всех 149 исследуемых слов (всего 26 наименований, т. е. меньше 18 %). Все эти существительные, кроме отлагольных *отпуск* и *пропуск*, с точки зрения их словообразовательной структуры являются в русском языке словами немотивированными.

Типично, что преобладающее большинство из них — всего 32 — было заимствовано (в большинстве случаев в Петровскую эпоху) из других языков: *кучер*, *лагерь*, *штемпель*; *егерь* — охотник-профессионал; солдат особых стрелковых полков в некоторых армиях, *китель* — форменная куртка со стоячим воротником, *фельдшер*, *флигель* — пристройка сбоку главного здания или дом во дворе большого здания, *шомпол* — стержень для чистки и смазки канала ствола ручного стрелкового оружия, *штабель* — правильно сложенный ряд чего-н., *штепсель* — приспособление для присоединения к электрической сети переносных аппаратов, *штуцер* — старинное нарезное ружье; тех. короткий отрезок трубы с наружной резьбой, служащий для соединения труб между собой, и *юнкер* из немецкого, *хутор*, по-видимому, из древневерхненемецкого *huntari* и *цех* из средневерхненемецкого *Zech*, *бункер*, *скутер* — одноместная спортивная лодка с подвесным мотором, *ниппель* — соединительная деталь в виде трубки с резьбой на концах, *прожектор* и *трактор* из английского, *буер* — лодка или треугольная платформа с парусом, установленная на особых коньках, для катания по льду, *крейсер*, *стапель* — наклонный помост на верфях для постройки, ремонта судов и спуска их на воду, *шкипер* — командир несамоходного речного судна; лицо, ответственное за палубное имущество на морских судах, и *штурман* (судна или самолета) из голландского, *тенор* — 1. высокий мужской голос, 2. певец с таким голосом — из итальянского, *том* из французского, *кондуктор*, *корректор* и *сектор* из латинского, *адрес* и *шулер* (при игре в карты) из польского и наконец *дьякон* является древним заимствованием из греческого.

Интересно, что шесть (целая одна седьмая) из приведенных 42 наименований, а именно *кондуктор*, *лагерь*; *адрес*, *пропуск*, *цех* и *юнкер*, слова многозначные и описанный сдвиг флексийного типа во мн. ч. оказывается у них как раз дифференцирующим показателем, ср., например, *лагеря* (пионерские) и *лагери* (антиимпериалистические), *пропуски* (в библиотеки) и *пропуски* (собраний или в тексте) и т. д.

Приведем еще, что исследуемый сдвиг флексийного типа охватывает не только существительные неодушевленные, но также одушевленные,

ср. *дьякон, кондуктор, кучер, вторично тенор, далее егерь, корректор, пекарь, фельдшер, шулер, юнкер, ястреб, шкипер и штурман.*

Описанный переход флексийного типа — явление продуктивное. Этот сдвиг осуществляется сначала в нелитературном языке, обычно в просторечии и в профессиональной речи (ср. *дьяконá, лагеря́, неводá, тенора́, сектора́, трактора́, цеха́*), откуда проникает в литературный язык, сначала, однако, в его разговорный стиль. В этой связи приведем интересное констатирование В. Л. Воронцова: „В наши дни формы на -а с нормативной стороны подвергаются совершенно определенной переоценке. За ними все более закрепляется стилистическая окраска профессиональности, просторечности. И хотя в целом круг слов, получающих формы на -а, продолжает расширяться (особенно в специальных языковых сферах, откуда они попадают и в литературный язык), современных носителей литературного языка в общем характеризует более скептическое и строгое отношение к этим формам.“¹⁴

Вторую группу исследуемых слов образуют, с точки зрения их морфемного состава, как отмечалось выше, существительные типа *друг — друзья*. В отличие от предыдущей группы этот ряд наименований уже давно закончен, флексийный тип с ударяемым окончанием -á в им. мн. здесь явление непродуктивное.

Сюда относятся только восемь древних, исконно русских (общеславянских или давно уже обруселых, ср. праслав. **kъnędzъ* из прагерм. **ku-ningaz*) слов, обозначающих только лиц, а именно большей частью по родству в широком смысле слова. Мы их можем далее распределить в следующие две подгруппы:

1. Существительные с беглым гласным в корневом алломорфе для множественного числа. К этой подгруппе относятся следующие слова: *деверь* (брат мужа), *друг*, *князь* и *муж*; пятое существительное *сын* имеет во мн. ч. наращение -ов-. Их корневые морфемы представлены алломорфами <d,ev,er.>, <drug>¹⁵, <kn,az.>, <muž>, и <sin> в ед. ч. и <d,ev,er,ɤj>, <druz,ɤj>, <kn,az,ɤj>, <mužɤj> и <sinov,ɤj> во мн. ч. Эти слова имеют в род. мн. нулевой флексийный морф, ср. <d,ev,er,ej/∅>, <druz,ej/∅>, <kn,az,ej/∅> и т. д.

2. Существительные без беглого гласного в корневом алломорфе. Сюда относятся три слова: *зять* (муж дочери или сестры), *кум* и *шурин* (брат жены). Эти существительные во мн. ч. имеют следующие корневые алломорфы: <z,at,j>, <kumov,j> и <šur,j> с флексийным морфом -ов (орфографически -ёв) в род. п., ср. <z,at,j/ov>, <kumov,j/ov> и <šur,j/ov>¹⁶.

¹⁴ Русский язык по данным массового обследования, 181.

¹⁵ Формы типа <drug> в предл. ед. считаем фонетическими альтернантами, так как мягкость конечного согласного корневого морфа фонетически обусловлена.

¹⁶ Анализу подвергаются существительные мужского морфологического рода, поэтому сюда не включаем существительное *дядя*, корневая морфема которого может быть также представлена двумя алломорфами, а именно <d,ad.> в ед. ч. и <d,ad,j> во мн. ч. с флексийным морфом -á в им. и -óв в род. п. мн. ч.

Совсем изолированный структурный тип представляет собой существительное *господин* — *господа* с чередованием суффиксальных алломорфов *-ин-* в ед. ч. и *-Ø-* во мн. ч.

В заключение можно, в общем, сказать, что тип с ударяемым флексийным морфом *-á* в им. мн. существительных мужского рода по данным репрезентативных словарей оказывается в современном русском литературном языке продуктивным только у наименований без ярких изменений корневой морфемы. Полный переход от типа с окончанием *-и* в им. мн. у исследованных 149 существительных за последние полвека советского периода мы в кодифицированном словарями русского литературного языке установили у двенадцати существительных. Такой же переход, но начатый уже в двадцатые годы, завершили двадцать четыре слова, и шесть наименований этот переход начало в русском литературном языке в недавнее время. Почти все эти слова — немотивированные, в преобладающем большинстве случаев двусложные и с ударением на первом слоге в им. ед. По большей части они были заимствованы из других, главным образом западноевропейских языков. Нерегулярный флексийный морф *-á* в им. мн. функционирует у шести многозначных слов в качестве дифференцирующего показателя.

Описанный сдвиг флексийного типа осуществляется обычно сначала в нелитературном языке (в просторечии и в профессиональной речи), откуда он проникает в литературный язык, сначала, однако, в его разговорный функциональный стиль.

K JEDNOMU POSUNU V MORFOLOGICKÉM SYSTEMU KODIFIKOVANÉ SPISOVNÉ RUŠTINY SOVĚTSKÉHO OBDOBÍ

Autor vyxcerpoval substantiva mužského rodu s přízvuchným flexivním morphem *-á* v nom. pl. z 9. vyd. ruského slovníku S. I. Ožegova (M. 1972) a porovnal shromážděné údaje s gramatickým aparátem, který je u těchto podstatných jmen uváděn ve všech dřívějších výkladových slovnících ruštiny počínaje Ušakovovým slovníkem a také v akademickém ortoepickém slovníku. Podařilo se tak zjistit posun, který nastal za uplynulých zhruba padesát let v kodifikovaných tvarech skupiny zkoumaných slov od paradigmatického typu *завод* — *заводы* k typu *дом* — *дома*.

Bylo zjištěno, že z celkového počtu 149 substantiv zaznamenalo 42 pojmenování (tj. 28 %) zmíněný posun. Dvanáct z nich za uplynulé půlstoletí zcela přešlo k typu s přízvuchnou koncovkou *-á* v nom. pl. (*буер, бункер, вертел, дьякон, кондуктор, кучер, лагерь, невод, скутер, тенор, хутор, штемпель*). Těž posun v morfologickém systému, zahájený však již ve 20. letech, v uplynulém půlstoletí dokončilo čtyřiaadvacet substantiv; šest podstatných jmen (*прожектор, сектор, трактор, цех, шкипер а штурман*) jej zahájilo později a v současné době fungují ve spisovné ruštině oba jejich flexivní tvary paralelně jako dublety.

Nepravidelný flexivní morf *-á* v nom. pl. se u šesti polysémantických substantiv (*адрес, кондуктор, лагерь, пропуск, цех а юнкер*) postupně zafixoval jako rozlišující příznak výrazového plánu.

Typ s přízvučným flexivním morfem -á v nom. pl. maskulin je tudíž v současné kodifikované spisovné ruštině produktivní. Popsaná změna flexivního typu se obvykle nejdříve realizuje v nespisovných vrstvách (v lidové mluvě a ve slangu), odkud proniká do spisovného jazyka, nejdříve však do jeho hovorového funkčního stylu.

Autor: doc. PhDr. Jiří Jiráček, CSc., docent katedry ruského jazyka na filozofické fakultě UJEP, Arna Nováka 1, Brno.

